

Пролог

Дневник, запись № 001

Принято считать, что каждый великий человек заслуживает собственного биографа. Именно поэтому я и взялся вести эти личные записки о деятельности моего шефа за время его службы в Космическом Легионе. Могут, конечно, найтись такие, кто поставит под сомнение его принадлежность к великим людям, но на это я должен буду возразить, что он все же очень близок к величию и что моя привилегия вести подобный дневник определяется в первую очередь тем, что я провел бок о бок с ним достаточно долгое время. К тому же должен заметить, что Чингисхан и Джеронимо* тоже в некоторых кругах считаются великими людьми.

Что касается моей собственной персоны, то я всего лишь слуга, или, по-военному, денщик, бэтман. (Людей малоначитанных я попросил бы воздержаться от восприятия этой должности как обязанности быть во всем похожим на популярного героя многочисленных комиксов. Я всегда считал, что такие книжонки — не очень-то достойный пример для подражания, и старался отговаривать тех, кому служил, от излишней тяги к этому липкому, навязчивому развлечению, каковым бывает их разглядывание.) Меня зовут Бикер, а все остальные сведения обо мне будут просто излишними.

Я был рядом со своим шефом еще до того, как он поступил добровольцем на военную службу, и тем не менее глубоко убежден, что действительно заслуживающий внимания период его карьеры начался именно с военного трибунала. Чтобы быть совершенно точным — с первого военного трибунала над ним.

* Легендарный предводитель индейцев. — *Примеч. пер.*

Интерьер комнаты ожидания был того самого вида, встретить который можно лишь в вестибюлях захолустных театров, влачащих самое жалкое существование. У двух противоположных стен стояло по провалившемуся дивану неопределенной расцветки в окружении нескольких складных деревянных стульев, которые если и были новыми, то из самых дешевых, а единственный стол, заваленный множеством журналов, вполне мог бы сойти за рабочее место археолога.

Эту картину дополняли двое мужчин, явно куда более подходивших друг к другу, чем к окружающей их обстановке. Один из них был среднего роста, плотного сложения, в строгом гражданском костюме, *гражд*, как было принято здесь называть подобных людей. И все время, пока он с достоинством восседал на провалившемся диване, его румяное лицо сохраняло то вежливое выражение, какое обычно сопутствует процессу длительного ожидания. Казалось, он упорно не обращал никакого внимания на своего спутника, лениво созерцая экран микрокомпьютера, который держал в руке перед собой.

Второй из находившихся в этой комнате был внешне спокоен или старался так выглядеть. Худой и подвижный как хлыст, он, казалось, лучился едва сдерживаемой энергией, меряя шагами периметр комнаты. Если бы вдруг получилось так, что в приемной родильного дома оказались тигры, ожидающие появления на свет своего потомства, то зрелище переживаемого ими волнения мало бы чем отличалось от вида этого нервно расхаживающего молодого человека. Впрочем, возможно, правильнее было бы сравнение с пантерами, поскольку форма, которую носил молодой человек, имела цвет ночи и выдавала принадлежность ее хозяина к Космическому Легиону. Черный цвет был выбран Легионом не столько из соображений эстетики или маскировки, сколько исходя из того, что окраска должна скрыть тот факт, что Легион, ограниченный в бюджетных средствах, скупал за бесценок излишки самого разнообразного обмундирования. Но, как вы сами понимаете, не того, которое носил этот молодой человек. Звездочки на его воротнике указывали, что он имел чин лейтенанта, и, как у большинства офицеров, его форма была сшита на заказ в полном соответствии с единообразием обмундирования, установленным в Легионе. Качество ткани и ручная работа его одежды несколько отличались от общепри-

нятого в подобных случаях, хотя он явно умышленно выбрал один из самых простых покровов.

— Сколько еще ждать, пока они объявят решение?

Вопрос сорвался с губ лейтенанта почти неожиданно как раз в тот момент, когда он начинал свой пятидесятый круг по комнате.

Мужчина, сидевший на диване, даже не глянул в его сторону.

— Не моего ума это дело, сэр, отвечать на такие вопросы.

Это была первая реакция на все ворчание лейтенанта, и тот решил ею воспользоваться, чтобы дать выход своему раздражению.

— Мне не нужна вот такая лакейская болтовня, Бикер! С каких это пор ты либо не имеешь собственного мнения на тот или иной счет, либо не решаешься им поделиться с мной... Я к кому обращаюсь?

Бикер оторвал взгляд от экрана микрокомпьютера и перевел глаза на лейтенанта.

— Ну, хорошо. На самом деле вы как вступили в Космический Легион, стали скрытным чуть-чуть более обычного, сэр... а может, это началось еще тогда, когда у вас только появилась мысль об этом. Однако в данном конкретном случае мне показалось, что ваш вопрос был чисто риторическим.

— Он был... ну, не важно. Ответь на него, Бикер. Давай, говори.

Осторожно, следя за каждым своим движением, дворецкий отложил в сторону компьютер.

— Я весь внимание, сэр. Не могли бы вы повторить свой вопрос?

— Чем, по-вашему, они так долго заняты? — сказал лейтенант, возобновляя движение по комнате, но на этот раз он делал это чуть медленнее, поскольку попутно был занят еще и тем, что выражал вслух свои мысли. — Ведь я же уже признал себя виновным!

— Простите, что повторяю прописные истины, — произнес Бикер, — но если вина уже установлена, то дело только за формулировкой приговора. И похоже, тут-то суд и столкнулся с некоторыми затруднениями, я имею в виду — какое наказание будет в полной мере соответствовать тяжести вашего проступка.

— Да, но что в этом может быть сложного? Я совершил ошибку. Ну, так что? Я более чем уверен, что и до меня бывали легионеры, которые совершали ошибки.

— Да, несомненно, — согласился Бикер. — Однако я не вполне уверен, что у многих из них были такие же отягчающие вину обстоятельства. Я более чем уверен, что если бы кто-то еще попытался начать обстрел позиций в момент церемонии подписания мирного договора, как было сообщено в средствах массовой информации...

Лейтенант при упоминании об этом поморщился.

— Я же не знал, что именно происходило в это время. Наши средства связи вышли из строя, поэтому мы так и не получили приказа о прекращении огня. Между прочим, у нас был приказ не пользоваться связью.

Бикер терпеливо кивал. Он уже слышал все это раньше, но понимал, что лейтенанту сейчас было необходимо еще раз вернуться к своим воспоминаниям.

— Насколько я понимаю, вам приказали нести боевое дежурство, соблюдая полную тишину и засекая каждый корабль, покидающий планету. Не было никакого разрешения производить бомбардировку.

— Но у меня не было и приказа этого не делать! Сражение, как правило, заканчивается в пользу той стороны, которая при удобном случае захватила инициативу.

Брови у Бикера выразительно взметнулись вверх.

— Сражение? А мне что-то показалось, что никакого ответного огня не было.

— Так именно потому я и предпринял эту акцию. Наши средства обнаружения показали, что противник снял свою защитную сеть, и я решил, что при быстром маневре мы сможем справиться с ними даже самым малым огнем и быстро и окончательно подавить весь этот мятеж.

— А он и без того был уже почти подавлен, — сухо заметил Бикер. — Именно поэтому и была снята защитная сеть.

— Но я не знал этого! Я только видел, что защита снята и...

— И приказали пилоту, находившемуся на боевом дежурстве, начать обстрел. Во все времена это приводило к разжалованию капитана корабля.

— Но это же самый заурядный случай нарушения системы связи, — едва не закричал лейтенант, избегая взгляда своего собеседника. — Интересно, до какой степени безумия они могут

дойти? Ведь мы намеренно избегали целиться в людей, так что никто при этом не пострадал.

Бикер с невинным видом уставился в потолок.

— Я слышал, что материальный ущерб превысил десять миллионов...

— Ха. Я же сказал им, что я...

— ...и что вы разнесли в клочья их флаг, причем в тот самый момент, когда он поднимался перед началом церемонии...

— Ну, это было...

— ...а также огнем был уничтожен личный космический корабль посла, что и было самым неразумным поступком, ведь именно наш посол...

— Но они не зажгли опознавательные бортовые огни!

— Возможно, потому что боевые действия были прекращены.

— Да, но я... Ох, будь все это проклято!

Лейтенант неожиданно прекратил возмущаться и перестал ходить по комнате. Он медленно опустился на диван напротив Бикера.

— Как, ты думаешь, Бик, они поступят со мной?

— Дабы не рисковать прослыть нелояльным, сэр, — заметил дворецкий, вновь принимаясь за свой компьютер, — я бы предпочел воздержаться от предположений на этот счет.

Военный трибунал по делу младших офицеров предполагал в своем составе только трех человек. Атмосфера напряженности, к сожалению, нависшая над заседавшими, определялась главным образом присутствием старшего офицера.

Следует заметить, что у каждого человека, служащего в Легионе, было три имени: его прежнее имя, полученное при рождении, имя, выбранное при поступлении на службу в Легион, и прозвище, которое давали ему сослуживцы. Во всех записях канцелярии фигурировало второе имя, но звали людей обычно по третьему — прозвищу, полученному за особые качества и поступки, хотя очень немногие офицеры официально признавали клички, которыми их наградили нижние чины.

Полковник Секира представляла один из редких случаев, когда имя, выбранное ею самой, и полученное прозвище соответствовали одно другому. Это была скучного вида женщина с лошадиным лицом и пронзительным взглядом постоянно насто-

рожденных глаз, в которых не было даже намека на страх. Чопорный покрой ее мундира усиливал и без того в значительной степени неблагоприятное отношение к ней тех легионеров, кому нравилась более изящная и яркая одежда. Атмосфера строгости, окружавшая ее, которую можно было даже назвать пугающей, очень мало способствовала тому, чтобы идти на контакт с ней, и еще меньше тому, чтобы желать привлечь к себе ее внимание.

Уже одного этого было достаточно, чтобы вызвать полный дискомфорт у двух других членов суда, но было и еще кое-что, гораздо более значительное. Эта дама-полковник совершенно неожиданно явилась сюда из главной штаб-квартиры Легиона специально дня того, чтобы контролировать ход военного трибунала, и поскольку она сделала все, чтобы ограничить свой визит строго официальными рамками, простая логика подсказывала, что она постарается как можно скорее закончить с предварительным обсуждением и перейти к делу. Выводы, которые следовали из этого, были предельно просты: в штаб-квартире проявляли к этому делу особый интерес и хотели быть уверены во вполне определенном его исходе. Вопрос состоял лишь в том, что ни один из двух других офицеров не имел ни малейшего понятия, каким должен быть этот исход. Поскольку их мнения сводились, в общем-то, к тому, что лейтенант в назидание должен получить хороший урок, они пришли к соглашению, что вести себя следует достаточно осторожно, разыгрывая комбинацию «хороший — плохой» до тех пор, пока не поступят какие-либо четкие указания от председателя суда. Однако прошел уже целый час, а полковник так и не сделала ни одного намека относительно той линии, которой собирается придерживаться, со спокойствием на лице она продолжала выслушивать двух «спорщиков».

— Может, вы хотите еще раз просмотреть досье?

— Зачем? Там ведь ничего не изменилось! — почти прорычал майор Джошуа. Оливковый цвет его лица и природная энергия определенно отводили ему роль «плохого парня». Но он уже устал от этой игры и безуспешно пытался осмыслить происходящее. — Мне непонятно, почему мы до сих пор продолжаем обсуждать это! Парень совершенно однозначно виновен, черт бы его побрал, это же ясно как божий день! И если мы не накажем его, то все-ми это будет воспринято как отпущение грехов.

— Послушай, Джош, я имею в виду майор, но ведь есть же смягчающие обстоятельства.

Грузный капитан Пухлик без труда справлялся с ролью «хорошего парня», исполняя обязанности адвоката дьявола*. Защищать обвиняемых у него уже вошло в привычку, хотя данное дело было слишком трудным даже для его великодушия и терпимости. Но тем не менее он смело бросился давать отпор.

— Мы ведь требуем от наших младших офицеров, чтобы они проявляли инициативу и приобретали навыки руководителя. Но если всякий раз, когда будет происходить что-то неординарное, мы станем их грубо осаживать, то очень скоро они потеряют охоту делать то, что не предписано приказом или не оговорено в уставе.

Майор фыркнул, выражая полное несогласие.

— Ничего себе инициатива! Да это чистейший кровожадный оппортунизм! По крайней мере так отзываются об этом средства массовой информации, если я не ошибаюсь.

— Но ведь мы же не позволяем присутствовать журналистам при наших обсуждениях наказаний?

— Не позволяем, — согласился Джошуа. — Но полностью игнорировать общественное мнение мы все равно не можем. Ведь Легион — это основа целой системы, и катастрофы, подобные этой, могут у многих вызвать отношение к нему как к прибежищу преступников и неудачников.

— Если им нужны герои, то для этого есть обычная регулярная армия, не говоря о космодесантниках, — сухо заметил капитан. — Легион никогда не был прибежищем ангелов, включая, могу держать на этот счет пари, и сидящих в этой комнате. Думаю, от нас требуется осудить действия этого человека, не заботясь о репутации Легиона.

— Хорошо. Давайте еще раз вернемся к его проступку. Я до сих пор не вижу в его действиях ни одного смягчающего фактора.

— Он внушил одному из до глупости исполнительных, за что вы так ратуете, пилотов совершить несанкционированный бомбовый удар. Я знаю много командиров, которые никогда не пойдут на такое даже в том случае, когда у пилотов есть приказ о под-

* Защитник безнадежного дела. — *Примеч. пер.*

чинении. И вы считаете подавление подобной инициативы вполне разумным?

— Это зависит от того, каким образом вы разграничиваете способность быть лидером и обычное подстрекательство к неповиновению. Все, в чем *действительно* нуждается ваш лейтенант, так это пара лет за решеткой, которые немного охладят его пыл. После этого он, возможно, дважды подумает, прежде чем принять опрометчивое решение.

— Вряд ли мы и в самом деле склонны к такому выводу.

Оба офицера тут же прервали свой спор и обратили все внимание на полковника, которая наконец-то вступила в дискуссию.

— Высказав несколько исходных положений, майор, вы сделали ряд основанных на них выводов. Но при этом существуют вполне определенные... факторы, которые следует принимать во внимание и которые вам просто не известны.

Она сделала паузу, будто взвешивая для верности каждое слово, в то время как офицеры терпеливо ждали.

— Я категорически против подобного решения и, более того, хочу надеяться, что нам никогда не придется его принимать. Как вам известно, каждый легионер начинает жизнь заново с того момента, как он или она вступает в наши ряды. Поэтому мы ни в коем случае не должны в своих решениях принимать во внимание поступки, которые они совершали до вступления в Легион. Чтобы и дальше придерживаться этого принципа, я прошу вас сохранить в строжайшей тайне не только все, что я скажу вам сейчас, но даже и сам факт нашего сегодняшнего разговора.

Она подождала, пока мужчины кивнули ей в знак согласия, прежде чем продолжить, но и после этого, казалось, ей трудно было называть вещи своими именами.

— Думаю, не надо объяснять, что лейтенант явно вышел из обеспеченной семьи. В противном случае он не смог бы стать офицером.

Ее слушатели терпеливо ждали новой для себя информации. Не было секретом, что Легион получал деньги, продавая офицерские чины... или, с куда большей охотой, устраивал платные испытания для желающих получить их.

— Должен заметить, что у него есть даже собственный дворецкий, — сказал капитан, вовсе изображая добродушие. — Воз-

можно, это несколько претенциозно, но не вижу ничего плохого в том, чтобы некоторые из нас могли позволить себе такое.

Полковник сделала вид, что не слышала его замечания.

— Правда кроется в том... да, а имеет ли кто-нибудь из вас соображения относительно того, почему лейтенант выбрал себе такое имя?

— Скарамуш? — нахмурился уточнил майор Джошуа. — Если не принимать во внимание общеизвестное отношение к этому персонажу, я не вижу в нем ничего особенного.

— Мне кажется, причиной могло послужить то, что молодой человек имеет склонность к фехтованию, — поспешил высказаться капитан, чтобы не уступать своему коллеге.

— Пожалуй, нужно оглянуться назад, в давние времена. Думаю, мне следует сказать, что *настоящий* владелец этого имени — типичный герой итальянской комедии, дурак и фигляр, в общем — шут.

Мужчины нахмурились и незаметно обменялись взглядами.

— Я не совсем понимаю... — не выдержал наконец майор. — Какое отношение это имеет к...

— Подумайте, что вам напоминает слово «шут»?

— Я все еще не понимаю...

Полковник тяжело вздохнула.

— Отвлекитесь на секунду и повнимательнее рассмотрите оружие на своем поясе, майор, — сказала она.

Озадаченный офицер взял свой пистолет и некоторое время разглядывал его со всех сторон, поворачивая в руке. Отвлек его от этого занятия неожиданный вздох, и он понял, что капитан уже с успехом справился с предложенной полковником загадкой.

— Вы имеете в виду?..

— Совершенно верно, капитан. — Председатель суда мрачно кивнула. — Ваш лейтенант Скарамуш не кто иной, как единственный сын и наследник ныне здравствующего президента и владельца компании «Шутт-Пруф мьюнишнз».

Ошеломленный майор уставился на пистолет в своей руке, на котором красовалось клеймо компании «Шутт-Пруф». Ведь если полковник была права, то лейтенант, которого он собирался осудить по всей строгости устава, был одним из самых молодых мегамиллионеров галактики.

— В таком случае, почему же тогда он вступил...